

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 4 (63)
2023**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффа Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлагула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан);
Валь Й., PhD, О-во охраны памятников Штутгарта (Германия); Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2023

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 4 (63)
2023**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)

Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)

Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)

Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)

Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)

Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege

(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>

Кукушкин И.А.

Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова
ул. Университетская, 28, Караганда, 100024
E-mail: sai@ksu.kz

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

Источниковой базой исследования стали материалы 190 захоронений эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана. Конструктивные особенности погребальной архитектуры позволили выделить 3 группы и 10 типов сооружений, имеющих характерные признаки. Выявленные особенности при устройстве надмогильных конструкций и погребальных камер, разновекторная ориентировка могил, видимо, могут указывать на социальные, идеологические и хронологические различия.

Ключевые слова: *поздний бронзовый век, погребальная архитектура, типология, керамика, вещевой инвентарь, мавзолейная конструкция.*

Введение

Могильники эпохи поздней бронзы отмечаются практически на всей территории Центрального Казахстана. Тяготеют к предгорным районам, но встречаются и в полупустынной зоне. Нередко расположены на естественных возвышенностях по берегам рек или вблизи родников. Тафокомплексы характеризуются компактно сгруппированным расположением погребальных конструкций, однако могут быть и выстроены цепочкой вдоль береговой линии. Общее количество обычно не превышает 20–25 сооружений, но отмечаются и более крупные некрополи, насчитывающие до 60–80 объектов [Варфоломеев, 2002, с. 43]. В литературе за древностями этого периода закрепились названия бегазы-дандыбаевская и саргаринско-алексеевская культуры, приоритет и содержание которых до сих пор остаются остродискуссионными.

Особенности архитектурных конструкций и приемы строительства позднебронзовых погребальных сооружений позволили исследователям выделить целые типологические ряды, соответствующие определенным признакам. Так, В.А. Коренько разделил все известные погребения бегазы-дандыбаевской культуры на восемь типов: к I–V отнесены крупные мавзолейные комплексы бегазинской знати, к VI–VIII — сооружения рядовых общинников [1990, с. 32]. В.В. Варфоломеев, в течение многих лет изучающий древности этого периода, насчитал 16 типов погребальных сооружений, которые разделил на 2 группы — рядовую (1–5 типы) и элитную (6–16 типы) [1991, с. 13; 2002, с. 44]. В свою очередь, В.Г. Ломан все выявленные погребальные памятники распределил по двум типам — бегазинские и саргаринские. К первому отнесены плиточные ящики, ко второму — захоронения в грунтовых ямах [Ломан, 2019, с. 146].

Результаты исследований

Фактологической базой исследований послужили материалы 25 некрополей эпохи поздней бронзы (рис. 1). Общее количество исследованных погребальных конструкций составляет 167 отдельных сооружений. Зафиксировано 190 захоронений. Причем за последнее время начиная с 2000-х гг. было исследовано 9 могильников, относящихся к позднему бронзовому веку. Изучены 72 погребальные конструкции, в том числе один из восьми крупнейших мавзолеев региона — Каражартас, раскопанный в 2016–2017 гг. Выявлено 77 захоронений.

Период поздней бронзы Центрального Казахстана ознаменовался появлением крупных погребальных сооружений мавзолейного типа, нередко перекрытых курганной насыпью. Причем они локализируются исключительно в границах рассматриваемого региона и не встречаются за его пределами, что закономерно вызывает повышенный научный интерес к подобным археологическим памятникам.

В основе, предположительно, наиболее ранних элитных конструкций [Бейсенов и др., 2014, с. 170; Кукушкин и др., 2018, с. 108] лежит крупная каменная четырехугольная ограда, сооруженная техникой строительной кладки из уплощенного камня, в центральной части которой расположен подквадратный каменный ящик из массивных плит, установленный на поверхности.

Основные характеристики погребальных комплексов Центрального Казахстана...

К ним относятся мавзолеи Бугулы III, Айбас-Дарасы, Сангыру I, Каражартас и Енбек-Суйгуш, которые при внешнем сходстве имеют индивидуальные черты.

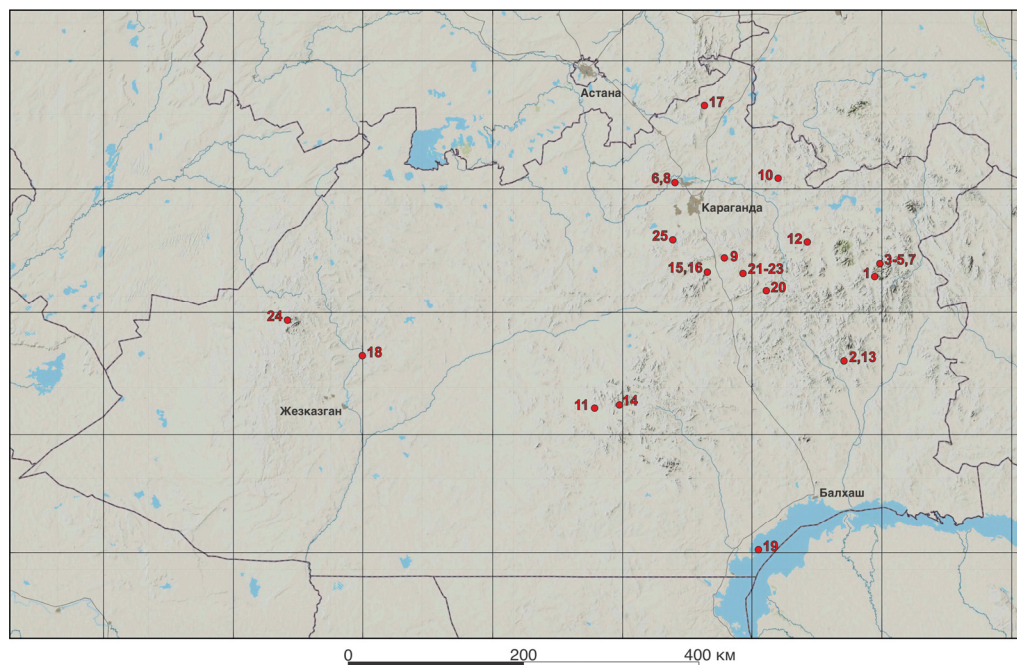

Рис. 1. Центральный Казахстан. Местонахождение исследованных некрополей эпохи поздней бронзы: 1 — Карагаш; 2 — Кызыл; 3 — Донгал; 4 — Енбек-Суйгуш; 5 — Дермен; 6 — Темиркаш; 7 — Тысырбай; 8 — Тегисжол; 9 — Коржар; 10 — Актопарк; 11 — Айдарлы; 12 — Балакулболды; 13 — Бегазы; 14 — Сангыру; 15 — Бугулы III; 16 — Бугулы II; 17 — Каратугай; 18 — Уйтас-Айдос; 19 — Тасарал (расположен на острове); 20 — Былкылдак I; 21 — Жанажурт I; 22 — Каражартас; 23 — Талдинский I; 24 — Айбас-Дарасы; 25 — Дандыбай.

Fig. 1. Central Kazakhstan. Location of the Late Bronze Age investigated necropolises: 1 — Karagash; 2 — Kyzyl; 3 — Dongal; 4 — Enbek-Suigush; 5 — Dermen; 6 — Temirkash; 7 — Tysyrbay; 8 — Tegiszhol; 9 — Korzhar; 10 — Aktopark; 11 — Aidarly; 12 — Balakulboldy; 13 — Begazy; 14 — Sangyru; 15 — Buguly III; 16 — Buguly II; 17 — Karatugay; 18 — Uytas-Aidos; 19 — Tasaral (located on the island); 20 — Bylkyldak I; 21 — Zhanazhurt I; 22 — Karazhartas; 23 — Taldinsky I; 24 — Aibas-Darasy; 25 — Dandybay.

Наиболее значительные параметры ограды зафиксированы на мавзолее Бугулы III, размеры которой составляют 15×15 м. Она возведена в виде двойной каменной стены с последующей забутовкой внутреннего пространства. Расположенная в центральной части погребальная камера размерами 4,1×4,1 м сооружена из 12 состыкованных плит и с северо-востока соединена «слепым» дромосом с внешней оградой. У юго-западного угла отмечены две стелы высотой до 4 м. Погребальная конструкция ориентирована стенами по сторонам света. К внешней стороне ограждения пристроены 3 детских ящика: один — с северного, два — с южного края [Маргулан, 1979, с. 102–108].

Необычная погребальная конструкция отмечена при исследовании мавзолея Айбас-Дарасы. Она представляла собой квадратную ограду со сторонами 12×12 м, сооруженную из уплотненного камня. От погребальной камеры размерами 2,8×2,6 м, состоящей из 8 состыкованных плит, радиально расходились порядка 10 каменных стен-выкладок, которые соединялись с оградой и визуально напоминали соляную символику. К внешней западной стороне ограды примыкало детское захоронение в каменном ящике. Конструкция стенами ориентирована по сторонам света [Маргулан, 1979, с. 137–140].

Самое известное сооружение на могильнике Сангыру I представлено наиболее крупным и сложным в исполнении мавзолеем 7 с внешними параметрами 10×10 м. Он состоял из трех оград. Причем с внешней стороны контуры стен первой ограды были облицованы вертикально стоящими плитами. Наиболее мощной являлась вторая ограда. Характерная особенность третьей, внутренней ограды заключается в том, что она сооружена из врытых на ребро крупных гранитных плит. Сама гробница представляла собой массивный каменный ящик размерами 2,4×2,4 м, состыкованный из 5 вертикально установленных плит. Погребальная конструкция ориентирована углами по сторонам света [Маргулан, 1979, с. 123–124].

Совершенно уникальной является погребальная архитектура мавзолея Каражартас, имеющего подтрапецевидную в плане форму, его размеры 14×14,5×14,3×13,5 м. Он представляет собой пирамидально-ступенчатую конструкцию за счет пяти рядов стен, постепенно повышающихся к центру сооружения. Кладка состоит из 15 слоев уложенного камня. Внешняя сторона облицована вертикально установленными плитами, выровненными по высоте. Погребальная камера вытянута по линии юго-запад — северо-восток и полностью сооружена из илистой глины с добавлением песка и золы. Размеры гробницы составляли 4,5×3,5 м. Сооружение ориентировано углами по сторонам света. С юго-восточной стороны отмечено устройство «слепого» дромоса [Кукушкин и др., 2018, с. 103–104, рис. 2]. С северо-запада к внешней стене мавзолея пристроено детское захоронение в каменном ящике.

В категорию высокостатусных памятников входит мавзолей Енбек-Суйгуш, размеры которого составляют 9×8,5 м. Состоит из двух четырехугольных концентрических оград и каменного наземного ящика размерами 3×2,75 м, сооруженного из 11 плит. Внутреннее пространство между оградой и ящиком заполнено каменно-земляной забутовкой. Мавзолей ориентирован углами по сторонам света. У западного и южного углов зафиксировано по одной стеле высотой 2,5 и 3 м, поваленных в древности [Варфоломеев, 2002, с. 52–53].

В свою очередь, типологически унифицированные мавзолеи Бегазы, в погребальной архитектуре которых отмечаются свои характерные особенности, видимо, занимают более позднюю хронологическую позицию [Маргулан, 1979, с. 86, 312; Бейсенов и др., 2014, с. 171]. Так, наибольшую известность получили два сооружения, имеющих практически идентичные параметры и конструктивные характеристики.

Мавзолей 1. Представляет собой подквадратное сооружение, внешние параметры которого составляют 9,6×9,6 м. Состоит из двух оград, сооруженных способом строительной кладки. Внутренняя ограда фактически совпадает с контурами погребальной камеры размерами 6×6 м, которая заглублена в материк на 1,2 м. Стены гробницы выложены каменными блоками. По периметру внешние стены облицованы огромными плитами гранита, возвышающимися над современной поверхностью на 3 м. Пространство между оградой заложено камнем. С восточной стороны оставлен проход в мавзолей, к которому примыкает коридорообразный тамбур, вымощенный камнем [Маргулан, 1979, с. 70–74].

Мавзолей 2. Погребальная архитектура полностью дублирует конструкции первого сооружения. Внешние параметры составляют 9,5×9,5 м. Некоторой особенностью является облицовка стен гробницы крупными плитами, а не строительным камнем. Погребальная камера, также заглубленная в грунт на 1,2 м имела размеры 5,5×5,5 м [Маргулан, 1979, с. 81–84].

Очень близка к вышеописанным конструкция сооружения 11 могильника Дандыбай. Она имеет две ограды — внешнюю, размерами 9×8 м, и внутреннюю — 5,2×5,2 м, фактически играющую роль погребальной камеры, заглубленную в грунт на 1,2 м [Грязнов, 1952, с. 131, 133].

Данные элитные сооружения объединяют такие элементы конструкции, как двойная четырехугольная ограда, сооруженная из строительного камня, крупные размеры погребальной камеры, которая приобретает квадратные очертания и практически совпадает по контурам с внутренней оградой, заглубленность гробницы в материк, забутовка межоградного пространства, ориентировка стенами по сторонам света. Возможно, в дальнейшем по мере расширения источниковой базы данные особенности позволят выделить эти мавзолеи и близкие к ним сооружения в отдельную самостоятельную группу, занимающую определенную культурно-хронологическую позицию.

В целом в эпоху поздней бронзы отмечается значительное своеобразие погребальных конструкций, которые можно разделить на три крупные группы, предполагающие: 1) наземное расположение погребальной камеры, оформленной в виде плиточного ящика, где все погребения совершались на уровне древней поверхности или материка; 2) заглубленный в материк каменный ящик, в том числе из составных плит; 3) устройство захоронения в грунтовой яме без использования камня или плит облицовки в качестве дополнительного строительного материала. Анализ выделенных групп в сочетании с особенностями внешнего ограждения позволил на основании выявленных признаков провести типологическую градацию погребальных конструкций, с определением особенностей, характерных для каждого группового сегмента. Во всех трех группах сооружения получили буквенно-цифровое обозначение: буквой «Г» обозначена группа погребений, «Т» маркирует типологические особенности надмогильной конструкции (ГО.ТО).

При поверхностных захоронениях, отнесенных к первой группе, господствующим видом надмогильных конструкций являются подчетыреугольные ограды, характерные как для высо-

Основные характеристики погребальных комплексов Центрального Казахстана...

костатусных сооружений мавзолеевого типа, так и для рядовых погребений. Широко распространена строительная кладка, иногда в сочетании с вертикально установленными плитами, обычно связанными с устройством внутренней ограды или облицовкой стен. В центральной части устраивалась наземная погребальная камера в виде каменного ящика из крупных плит, установленных на ребро.

Интересны и довольно значительные объекты, маркирующие погребения умерших с повышенным социальным статусом. Однако относительная упрощенность их архитектурных конструкций и общие параметры явно не «дотягивали» до уровня мегалитических высокостатусных мавзолеев, но были значительно крупнее и сложнее в устройстве по сравнению с рядовыми комплексами. Примечательно, что на могильниках, состоящих из хаотично расположенных рядовых оград, обычно присутствует одно более крупное сооружение, видимо маркирующее захоронение главы небольшого родового подразделения, скорее всего играющее роль некрополеобразующего объекта. Оно, как правило, располагалось не в центральной части, а на окраине могильника, предположительно являясь своего рода отправной точкой при устройстве будущего некрополя.

Мавзолеевые конструкции, предполагающие нерядовой статус умерших, состоят из 2–3 четырехугольных оград, нередко повышающихся к центральной части, но расположенных ниже могильного ящика, сооруженного из 4 и более состыкованных плит, что подчеркивает его наземное расположение. Средние параметры мавзолеев с повышенным статусом, имеющих подквадратный абрис по внешнему контуру, составляют 6–8×6–8 м при высоте стен до 0,5–0,6 м. Размеры погребальных камер достигают 2,5×2,2 м, высота до 1,2 м. Уровень каменной кладки стенок ограды обычно не превышает 3–4 слоя. В отдельных частях конструкции иногда могли использоваться плиты, установленные на ребро.

В основе строительства рядовых сооружений лежат те же принципы, но количество опоясывающих оград снижается до 1–2. Нередко отмечаются и могильные ящики, лишенные ограждения, размеры которых уменьшаются. В качестве перекрытия в основном применялись крупные плиты, хотя не исключается и каменная забутовка погребений. Ограды рядовых захоронений варьируют в пределах 2,5–4×2,5–4 м, максимальная высота составляет 0,2–0,4 м, средние размеры могильных ящиков определяются в диапазоне 1,5–2×1,2–1,8 м, высота 0,5–0,8 м.

Детские захоронения представлены каменными ящиками размером 0,5–0,8×0,8–1,0 м, высота не больше 0,5 м. Характерно, что нередко детские погребения в ящиках примыкают к стенам крупных мавзолеев.

В некоторых случаях отдельные углы мавзолеев маркировались 1–2 менгирами высотой от 1 до 3,5–4 м, зачастую поваленными. Они зафиксированы на могильниках Бугулы III, II (сооружения 1, 9), Тегизжол (сооружение 3), Енбек-Суйгуш (сооружение 1), Каражартас (сооружение 5). Иногда встречаются столбовые ямки, например на некрополе Карагаш (ограда 2).

Количество исследованных четырехугольных оград, возведенных техникой строительной кладки, включая элитные мавзолеи, к настоящему времени составляет 56 сооружений (Г1.Т1). Ограниченное распространение имели четырехугольные ограды из плит, установленных в вертикальном положении (Г1.Т2). Зафиксировано 10 таких погребальных комплексов. Причем ориентировка могильных камер, как правило, во всех случаях совпадает с пространственным расположением оград четырехугольной в плане формы. Периодически встречаются наземные ящики с округлой оградой, сложенной в 1–3 слоя из подобранного по размерности камня (Г1.Т3). Известно 7 подобных конструкций. Диаметр оград, имеющих округлые очертания, ограничен показателями 2–4 м. Всего насчитывается 73 конструкции с погребениями наземного типа (рис. 2, 1–3).

Можно констатировать, что из всего блока поверхностных погребений резко преобладают конструкции четырехугольных форм, сооруженные методом строительной кладки, составляющие 77 %; четырехугольные ограды из плит, установленных на ребро, насчитывают 13 %, с округлой в плане уплощенной кладкой — 9 %. Общее же число захоронений, с учетом отдельных каменных ящиков с отсутствующим или разрушенным ограждением, составляет 88, их можно отнести к наземным захоронениям.

Основная часть могильных ящиков имеет прямоугольную в плане форму (59), но достаточно многочисленны и подквадратные сооружения (28). В 18 случаях отмечена ориентировка погребальных камер с востока на запад. При близких к равносторонним параметрах расположение стенками по сторонам света отмечено в 17 случаях, углами — в 11. Направление по линии северо-восток — юго-запад зафиксировано в 24 конструкциях, с юго-востока на северо-запад — в 12 сооружениях, с

севера на юг — в 5 могилах. В целом, в расположении погребальных камер превалирует широтная ориентировка с возможными отклонениями к северу или югу.

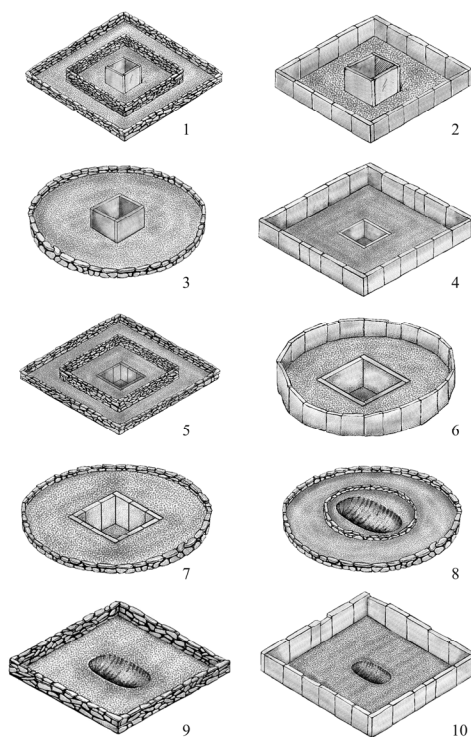

Рис. 2. Условно-схематичные изображения погребальных конструкций эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана выделенных групп (Г) и типов (Т):
 1 — Г1.Т1; 2 — Г1.Т2; 3 — Г1.Т3; 4 — Г2.Т1; 5 — Г2.Т2; 6 — Г2.Т3; 7 — Г2.Т4; 8 — Г3.Т1; 9 — Г3.Т2; 10 — Г3.Т3.
Fig. 2. Schematic representations of the burial structures of the Central Kazakhstan Late Bronze Age selected groups (Г) and types (Т):
 1 — Г1.Т1; 2 — Г1.Т2; 3 — Г1.Т3; 4 — Г2.Т1; 5 — Г2.Т2; 6 — Г2.Т3; 7 — Г2.Т4; 8 — Г3.Т1; 9 — Г3.Т2; 10 — Г3.Т3.

Легкодоступность погребальных камер, устроенных на поверхности, способствовала их массовому ограблению, что делает установление позы и ориентировки костяков крайне проблематичным. Однако благодаря единичным частично сохранившимся погребениям и характерным признакам: например, расположению фрагментов черепа, керамических сосудов, вещевого инвентаря, обычно маркирующих головную часть, а также непо потревоженных нижних конечностей — в четырех случаях была установлена северо-западная ориентировка умерших, в трех — западная и в двух — северо-восточная. С учетом немногочисленных косвенных свидетельств можно предположить, что господствующей стороной, определяющей «последний путь» умершего, было западное направление с возможными отклонениями к северу или югу. Заметную роль в погребальном обряде, вероятно, мог играть и северо-восточный сектор.

Высокостатусные погребения зачастую снабжались огромным количеством посуды. Так, по предварительным подсчетам А.Х. Маргулана, только в мавзолеях Айбас-Дарасы и Сангру (сооружение 7) насчитывалось от 40 до 50 горшков, относящихся к валиковой саргаринской, дандыбаевской и андронидной керамике [Маргулан, 1979, с. 128, 141]. Собранная при проведении исследований керамическая коллекция мавзолея Каражартас состояла из фрагментов 39 сосудов, 10 из которых удалось частично или полностью реконструировать: из них 5 отнесено к саргаринскому типу посуды, 4 — к дандыбаевскому и 1 — к горшкам андронидного облика.

Погребения в мавзолеях с повышенным социальным статусом, как правило, содержали 4–5 сосудов, нередко демонстрирующих саргаринскую и дандыбаевскую гончарные традиции. В рядовые погребения обычно ставилось по 1–2 сосуда, характерных для комплекса валиковой посуды. В известных случаях горшки и сопроводительный инвентарь обычно помещались в районе головы умершего. Например, на могильнике Талдинский I в сооружении мавзолеяного типа (№ 28) у северо-восточной стенки каменного ящика были зафиксированы непо потревожен-

Основные характеристики погребальных комплексов Центрального Казахстана...

ными два горшка валикового облика и бронзовая бритва, а также расположенная вблизи нижняя челюсть человека. В погребении отмечены и крупные фрагменты дандыбаевского сосуда, украшенного дискретно расположенными жемчужинами [Кукушкин, 2020, с. 27].

В целом погребальный инвентарь представлен немногочисленными бронзовыми изделиями, такими как бритва с упором, крупные иглы, нож, крестообразная бляшка, пинцет, бронзовый наконечник стрелы.

Вторая группа состоит из погребальных камер, заглубленных в материк, стены которых облицованы камнем или плитами. Прежде всего в эту группу входят знаменитые мавзолеи могильника Бегазы (1, 2) и ограда 11 некрополя Дандыбай, получившие широкую известность.

С учетом описанных выше элитных сооружений эта группа насчитывает 49 исследованных оград и 6 отдельных погребений. Наибольшее количество составляют конструкции в виде четырехугольных оград из установленных на ребро плит (Г2.Т1). Насчитывается 27 таких сооружений, или 55 %. Средние размеры оград варьируют от довольно крупных — 8×8 м, 6×6 м — до сравнительно небольших — 3×3, 2,5×2,5 м.

В несколько меньшем количестве зафиксированы четырехугольные ограды, возведенные из подобранного по размерности камня, иногда уложенного в 2–3 слоя (Г2.Т2). Известны и двойные стены ограждений. Всего раскопано 12 конструкций, составляющих 25 %.

Округлые формы оград немногочисленны и сопоставимы в количественном отношении. К кольцевым оградкам из вертикально установленных плит (Г2.Т3) и выполненных из плашмя уложенного камня (Г2.Т4) отнесено по 5 сооружений, т.е. соответственно по 10 %. Диаметр варьирует от 2,5–3 до 5 м (рис. 2, 4–7).

Захоронения совершались в каменных ящиках, в том числе состыкованных из многочисленных плит, нередко трапецевидно расширяющихся к верхнему краю, количество которых могло достигать до 10 и более. Средние размеры ящиков составляют 2×1,5 м при глубине до 1 м, однако в отдельно взятых крупных сооружениях параметры гробниц могли достигать гораздо больших размеров (Бегазы, Сангыру I, ограды 1, 2, 9, 10). Из 55 заглубленных захоронений в каменных гробницах ориентировка стенами по сторонам света зафиксирована в 18 погребениях, углами — в 3, направление погребальных камер по линии восток-запад — в 14 случаях, с юго-востока на северо-запад — в 8, с юго-запада на северо-восток — в 9, с севера на юг — в 4.

Поза и ориентировка умерших установлена в 10 захоронениях, где сохранились остатки костяков. Так, в 4 погребениях выявлено западное направление при скорченности умерших на левом боку. В двух случаях скорченность на левом боку была сопряжена с северо-восточным сектором. В трех захоронениях при скорченности на левом боку погребенные были ориентированы в восточном направлении. Ориентировка на юго-запад отмечена в одной могиле, причем череп и кости умершего были уложены так называемым пакетом, предполагающим вторичное захоронение (Каражартас, сооружение 12) [Кукушкин и др., 2018, с. 106].

В целом, по преобладающему количеству погребальных камер, ориентированных по линии запад — восток, паритетному расположению костяков в западном и восточном направлениях, можно предположить, что в заглубленных захоронениях основную роль играли западный и восточный горизонт, связанные с наиболее вероятным местонахождением страны предков.

В заглубленных погребениях количество и разнообразие сопроводительного инвентаря несколько представительнее, чем в наземных, что, вероятно, связано с большей скрытностью и затрудненным доступом к содержимому гробниц. Вещевой комплекс представлен бронзовыми наконечниками копья и стрел, плотницким и металлообрабатывающим инструментарием, иглами, булавкой, ножами-кинжалами, зеркалом, характерными для эпохи поздней бронзы. Любопытно, что эпизодически для сокрытия сопроводительного инвентаря могли использоваться импровизированные тайники, расположенные вне погребальной камеры. Например, находки крупных металлических изделий отмечаются в промежуточном пространстве между стенкой грунтовой ямы и торцовой плитой установленного в ней каменного ящика, положенные туда преднамеренно (Каражартас, сооружение 6, Талдинский I, сооружение 17).

Керамический комплекс представлен посудой валикового, дандыбаевского и андронидного облика. В погребениях фиксируется от 1–2 до 4–5 горшков, нередко имеющих морфологически разные признаки, особенно в относительно больших коллекциях. Примечательно, что при наличии в захоронениях четырех сосудов их могли размещать ярусно, друг над другом (Каражартас, сооружение 12). В крупных сооружениях мавзолейного типа преобладает дандыбаевская керамика.

Существенное место занимают захоронения в грунтовых могилах, отнесенные к третьей группе. Они совершались в оградах, имеющих различные формы, а иногда обозначались просто набросом камней. Всего выявлено 47 погребений. Подавляющее число грунтовых захоронений (27–60 %) связано с округлыми оградами, сооруженными из плашмя уложенного камня (ГЗ.Т1). В ряде случаев имеются по два каменных кольца — внешнее и вокруг самого погребения, что близко по конструктивным решениям к нуринско-федоровским комплексам. Диаметр кромplexов составляет от 2–3 до 4–5 м. Вторую позицию занимают грунтовые могилы с четырехугольной планировкой каменной кладки (ГЗ.Т2), насчитывается не менее 14 сооружений, или 31 %. Известны 4 четырехугольные ограды из плит, установленных на ребро (ГЗ.Т3), составляющие условные 9 %. У 2 грунтовых захоронений отчетливо выраженных признаков оград не выявлено (рис. 2, 8–10).

Значительно преобладают погребальные камеры, ориентированные по линии север — юг, — 22 могилы. К направлениям запад — восток и юго-запад — северо-восток отнесено 10 и 6 случаев соответственно. С северо-запада на юго-восток ориентировано 7 могильных ям. Усредненные размеры грунтовых могил составляют 2–1,6×1,1–0,8 м, глубина до 1 м. Параметры детских погребений фиксируются в пределах 1,1–0,8×0,85–0,6 м, глубина 0,35–0,65 м.

Среди грунтовых погребений резко преобладает южная ориентировка умерших. Всего отмечено 14 случаев. В 11 захоронениях зафиксировано скорченное положение костяков на правом боку, в одном — на левом. Иногда отмечается заметное заваливание погребенных на грудь [Ломан, 2019а, с. 145]. В двух погребениях умершие находились на спине с согнутыми в коленях ногами, причем в обеих могилах отмечено южное направление. Возможно, данная поза указывает на контакты с западносибирским населением, в частности ирменским, у которого зафиксированы подобные погребения, правда тоже в небольшом количестве [Ковалевский, 2006, с. 44–45].

Другие направления менее представительны. Головой на запад ориентировано 2 костяка, на восток, в скорченном положении на левом боку, отмечено 1 погребение. Юго-восточное направление отмечено в 2 случаях. Положение на юго-запад на правом боку зафиксировано в одном захоронении. Северная ориентировка костяка в скорченном слоистости на левом боку выявлена в одной могиле.

В качестве погребального инвентаря служили бронзовые ножи-кинжалы, тесло с уступом, иглы, проколки, наконечники стрел, округлое зеркало. Украшения представлены бронзовой бляшкой округлой формы с разомкнутой петелькой на оборотной стороне, ожерельем из бусин, обоймами, кольцом из проволоки, пластинами, бусами.

В погребения обычно устанавливали по 1–2 сосуда. Керамические емкости представлены в основном посудой валикового типа, иногда встречаются ярко выраженные горшки андронидного облика. Например, при исследовании могильника Каратугай в 10 захоронениях было найдено 10 сосудов, два из которых по характерным признакам отнесены к древностям, близким к ирменской культуре [Ломан, 2019а, с. 143; 2019b, с. 120–121]. Дандыбаевский сосуд отмечен только в одном случае (Тасарал) [Кукушкин, Ломан, 2013, с. 244].

Обсуждение результатов

Полученные данные о характерных особенностях погребального обряда полностью обработаны и сведены в общую таблицу.

Исходя из конфигурации и строительных приемов сооружения оград и погребальных камер в трех исследованных группах захоронений было выделено 10 типов надмогильных конструкций, характеризующих погребальную архитектуру позднего бронзового века. К первой группе отнесено три типа сооружений, ко второй — четыре типа, к третьей — три типа. Довольно контрастной выглядят форма и особенности сооружения оград в рассматриваемых группах, где наблюдается явное преобладание доминирующего погребального формата, который становится базовым ядром своего сегмента. Лидирующие позиции в первой группе занимают конструкции в виде четырехугольных концентрических оград из уложенного плашмя камня (Г1.Т1). Во второй группе основная роль отводилась четырехугольным оградкам из плит, установленных на ребро (Г2.Т1). В третьей группе заметно преобладают кольцевые ограды из уложенного плашмя камня (ГЗ.Т1). Отмечается и взаимовстречаемость конструкций на одном погребальном поле, однако основные тенденции, выявленные в каждой группе, выражены достаточно отчетливо.

Очевидно, в эпоху поздней бронзы происходит резкая поляризация общества, связанная с процессами социально-экономического и военно-политического характера, при которой основные имущественные права и управленческие функции закрепляются за представителями родоплеменной аристократии, что наглядно отразилось в значительном увеличении размеров элитарных погребальных конструкций и богатом наборе сопроводительного инвентаря. В свою

Основные характеристики погребальных комплексов Центрального Казахстана...

очередь, в рядовые погребения с упрощенными конструкциями могли устанавливать всего по одному сосуду, документируя тем самым низкий статус умершего в структуре социальной иерархии общества [Кукушкин, 2016, с. 98].

Базовые характеристики погребальных комплексов позднего бронзового века

Basic characteristics of burial complexes of the Late Bronze Age

№	Памятник	Кол-во исслед. погр.	Кол-во и способы сооружения оград		Форма ограды		Особенности и количество погребальных камер			Ориентировка погребения						Керамика (тип и кол-во)						
			Кладка	На ребро	Четырехуг.	Округл.	Наземн. кам. ящик	Заглубл. кам. ящик	Грунтов. камера	Стенами по сторонам света	Углами по сторонам света	З-В	С-Ю	ЮЗ-СВ	СЗ-ЮВ	Вал.	Данд.	Андр.				
1	Карагаш	10	1	3	4		5	1	4	2					6			1	5	2	1	
2	Кызыл	8	8		6	2			1	7					1	7					7	
3	Донгал	24	19	5	21	3		17	4	3	1			2	10		7	4		18		
4	Енбек-Суйгуш	4	1		1			4						1	3					8		
5	Дермен	12	11	1	12			11	1		3			3	1	1	3	1		9		
6	Темиркаш	2	2		2					2					2					2		
7	Тасырбай	7	3	1	3	1		5	2		1			1	1		4			8	1	
8	Тегискол	5	3	1	1	3	1	3	1					5						6	1	
9	Коржар	5	5		2	3			1	4	1					4	1			10	1	
10	Актопрак	10	10		7	3		7	1	2	2			1	3	2	2			17		
11	Айдарлы	5	1	2	3				5						4	1				5		
12	Балакулболды	3		3	3				2	1	2						1			1	1	1
13	Бегазы	7	3	4	7			1	6		7									20	10	4
14	Сангыру	11		9	11			6	5		3			2	5			1	17	2	4	
15	Бугулы III	4	1		1			4			4								3	4		
16	Бугулы II	8	1	5	5	1		3	5		1			1	3			3	5		5	
17	Каратугай	10	10			10				10						6			4	8	2	
18	Уйтас-Айдос	4	4		4			2		2								4	7	1	1	
19	Тасарал	9	9			9		3		6	1			1		1	6			1		
20	Былылдак I	1							1		1									2	2	
21	Жанажурт I	3	3			3				3						3				3		
22	Каражартас	24	16	7	16	7		11	11	2	1			1	9	2	7	2	44	4	8	
23	Талдинский I	11	6	5	9	2		6	5		3			1	3	2	2	1	12	3	4	
24	Айбас-Дарасы	2	1		1			2			1				1			1	6	15	8	
25	Дандыбай	1	1		1				1		1								3	9		
Всего		190	121	46	120	47		88	55	47	35			14	55	31	33	22	226	51	43	

Установлено, что погребальные конструкции рядового населения первой группы и сооружения, характерные для лиц с повышенным социальным статусом, являются по сути уменьшенной копией мегалитических мавзолеев [Ситников, 2015, с. 77], в основе которых лежит пирамидально-ступенчатая архитектура. Иными словами, прослеживается видимое сходство погребальной модели большинства сооружений первой группы, охватывающих как высшие, так и социально менее значимые слои общества. Данную особенность можно считать основным признаком сформировавшегося погребального канона.

В то же время на погребальном поле может отмечаться сочетание наземных и заглубленных захоронений, совершенных в каменных ящиках. Так, на могильнике Каражартас из 24 исследованных захоронений 11 были совершены в наземных ящиках из плит, 11 — в заглубленных камерах по внутреннему периметру, обложенных плитами, и 2 погребения зафиксированы в грунтовых ямах. Близкая ситуация отмечается на могильнике Талдинский I, где из 11 захоронений 6 устроены в наземных сооружениях мавзолеевого типа, а 5 были осуществлены в заглубленных в грунт каменных гробницах. Причем в некоторых случаях зафиксированы так называемые тандемные захоронения, которые представляют собой оба типа погребений, практически примыкающих друг к другу. Например, в могильнике Талдинский I в одном случае сооружение мавзолеевого типа (№ 32) стыковалось с кольцевой оградой (№ 33) из уложенного плашмя камня, в другом — к аналогичному мавзолеевому сооружению (№ 18) примыкала четырехугольная ограда из установленных на ребро плит (№ 17). Аналогичное расположение отмечено при исследовании конструкции 28, где с основным мавзолеевым сооружением соединялась пристройка из вертикально установленных плит с заглубленным в грунт каменным ящиком.

Возможно, заглубленные погребения в каменных ящиках могут нести информацию о социальном статусе умерших. Так, в погребальной камере округлой ограды (№ 33) были найдены 8 каменных лощил, которые использовались при доводке и полировке металлических изделий после их отливки и предполагают захоронение металлурга-литейщика. На это указывают и данные трасологического анализа¹, выявившего сохранившиеся на некоторых лошцилах следы металла. Обычно подобные предметы довольно часто встречаются на поселениях, особенно

¹ Трасологические определения выполнены к.и.н. Горацком И.В. (Самарский государственный университет).

крупных, где признаки металлургического и металлообрабатывающего производства надежно установлены [Варфоломеев, 2014, с. 115, рис. 55, 56]. Примечательно, что кроме лоцил в погребении были найдены фрагменты четырех керамических сосудов, два из которых удалось полностью реставрировать. Они представляют собой крайне редкие высокохудожественные кубки на полых конических ножках, характерных для дандыбаевской гончарной традиции, впервые зафиксированной в ограде 11 могильника Дандыбай [Грязнов, 1952, с. 136].

В заглубленном плиточном захоронении, обнесенном четырехугольной оградой (№ 17), было обнаружено втульчатое желобчатое долото с валиком верхней части, документирующее принадлежность умершего к деревообрабатывающей сфере. Находки подобного инструментария обычно характерны для крупных бытовых памятников, например поселений Кент и Мыржик [Варфоломеев, 2003, с. 102, рис. 3, 4; Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с.156, рис. 118, 3].

С осторожностью можно предположить, что часть заглубленных погребений в каменных ящиках могла маркировать принадлежность погребенных к ремесленно-хозяйственному сектору, в противовес, например, привилегированной скотоводческой группе, представители которой погребены в наземных конструкциях. Показательно, что к последним относятся и высокостатусные мавзолеи, демонстрирующие ярко выраженную ранжированность общества и, вероятно, являвшиеся объектами поклонения. Симптоматично, что в мавзолеевых сооружениях не зафиксировано и ни одного случая обнаружения изделий производственного назначения². Наземные и заглубленные погребения в каменных ящиках выявлены почти на всех относительно крупных могильниках, что дает основания для хронологической синхронизации памятников, по крайней мере их большей части. Не исключено, что могли иметь место и определенные религиозные отличия, доминирующие в мировоззренческих представлениях разных слоев общества.

Характерен контраст в ориентировке погребенных в каменных ящиках и грунтовых ямах. Так, в наземных и заглубленных плиточных погребальных камерах в целом было отмечено преобладание западного направления, нередко с отклонениями к северу или югу, менее — восточное и северо-восточное. В редких непотревоженных погребениях установлена достаточно традиционная поза, которую придавали умершему, — скорченно на левом боку. В то же время грунтовые захоронения в подавляющем большинстве демонстрируют устойчивую южную ориентировку при скорченности костяка на правом боку. Возможно, в данном случае причинами, влияющими на особенности погребальных традиций, могли быть культурный или хронологический факторы, которые получили отражение в своеобразии конструктивных деталей грунтовых захоронений. Примечательно, что, например, керамическая коллекция могильника Кызыл с характерными грунтовыми погребениями полностью соответствует посуде донгальского этапа, маркирующей финальную стадию развития позднего бронзового века [Бейсенов и др., 2013, с. 69].

Обращение с телом умершего в период поздней бронзы в целом характеризуется ингумацией, костяки в скорченном положении помещались на левый или правый бок. В подавляющем большинстве случаев отмечаются одиночные погребения, но эпизодически встречаются и двойные захоронения в виде спаренных ящиков, известных, например, на некрополе Бегазы (сооружение 5) [Маргулан, 1979, с. 93, рис. 62]. Парные разнополые погребения зафиксированы в могильнике Каратугай (сооружение 11) [Ломан, 2019, с. 141], однополые мужские выявлены на некрополе Актопрак (сооружение 4) [Ткачев, 2002, с. 129]. В трех случаях были встречены захоронения женщины с ребенком в могильниках Тегизжол (сооружение 3) [Варфоломеев, 2007, с. 51], Каражартас (сооружение 9) [Кукушкин, 2016, с. 58] и Коржар (сооружение 13) [Варфоломеев, 2019, с. 62]. В ряде случаев зафиксированы ритуалы с использованием огня. Они проявляются в виде небольших прокалов, зольников, включением угольков в заполнении могильного пространства. Изредка отмечается воздействие огня на кости умершего. Единично встречаются кремированные косточки, видимо, животных.

Предварительный подсчет общего количества керамической посуды позволил выявить в погребениях 320 горшков. К саргаринско-алексеевскому типу отнесено 226 сосудов, к дандыбаевскому — 51 экз., к андронидному — 43 емкости, соответственно 70; 16 и 14 %. В целом наблюдается безусловное преобладание посуды валикового типа (70 %), однако отмечается и довольно высокое содержание дандыбаевской и андронидной керамики (30 %), особенно в элитарных комплексах, где она зачастую может и превалировать. Данные цифры существенно отличаются от поселенческих показателей в сторону увеличения других, не саргаринских типов

² В данном случае довольно любопытна средневековая поговорка «У каждого тюрка (кочевника-скотовода) есть свой сарт (земледелец, ремесленник)».

Основные характеристики погребальных комплексов Центрального Казахстана...

посуды, доля которых на крупных бытовых памятниках составляет чуть более 6 % [Варфоломеев, 2014, с. 161]. Этот факт, видимо, объясняется сложившимися гончарными традициями. Скорее всего, саргаринцы в принципе не умели изготавливать добротную тонкостенную посуду: отсутствовала соответствующая гончарная «школа», поэтому любая качественная керамика с причудливой орнаментикой вызывала у них повышенный интерес, особенно среди привилегированных слоев общества. Ее тщательно хранили, за ней ухаживали, редко использовали в хозяйственных целях, о чем может свидетельствовать незначительное количество фрагментированной импортной керамики на поселениях и увеличение ее присутствия в погребальных комплексах в качестве ценных престижных изделий, сопровождающих умершего в загробный мир. В пользу этого свидетельствуют очевидные предпочтения, которые объективно фиксируются в наборе погребальной керамики.

Заключение

Особенности рассмотренных погребальных комплексов позволили разделить их на три группы и 10 типов захоронений. Выявлено, что для первой группы погребений наиболее характерными являются четырехугольные надмогильные сооружения, возведенные способом строительной кладки. Во второй группе преобладают четырехугольные ограды, построенные из вертикально установленных плит, реже — из уложенного плашмя камня. В третьей группе явно доминирует кольцевая планировка в виде подобранных по размерности камней, уложенных по кругу.

Наиболее многочисленна первая группа, для которой характерной особенностью является устройство погребальных камер в виде каменных ящиков, установленных на поверхности. Менее представительной оказалась вторая группа, с заглубленными погребениями, в том числе имевшими форму составных каменных ящиков. В третью группу вошли захоронения, совершенные в грунтовых могилах. Предполагается, что в первых двух группах доминирующей является западная ориентировка погребенных при определенной роли восточного и северо-восточного секторов. Третья группа характеризуется устойчивой ориентировкой умерших в южном направлении при скорченном положении костяка на правом боку. Полученные данные могут указывать на социальные, идеологические и хронологические различия, а также определенную полиэтничность населения.

Финансирование. Работа выполнена в рамках проекта МОН РК AP09260879 «Исследование маркеров социальной ранжированности общества бронзового века Сарыарки по данным погребальной обрядности».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бейсенов А.З., Ломан В.Г., Касеналин А.Е.* Новое в археологии Сарыарки: Донгальские погребения могильника Кызыл // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Алматы: Бегазы-Тасмола, 2013. С. 59–73.
- Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Касеналин А.Е.* Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. 192 с.
- Варфоломеев В.В.* Эпоха поздней бронзы. Бегазы-дандыбаевская культура (XIII–IX вв. до н.э.) // Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана: Учеб. пособие. Караганда: Изд-во КарГУ, 2002. С. 40–63.
- Варфоломеев В.В.* Кент и его округа: (Некоторые итоги палеоэкономического и социокультурного анализа памятников восточной Сарыарки) // Степная цивилизация Восточной Евразии. Астана: Култегін, 2003. Т. 1: Древние эпохи. С. 88–108.
- Варфоломеев В.В.* Поселения. Керамика // Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. С. 165–181.
- Варфоломеев В.В., Дмитриев Е.А., Ломан В.Г.* Могильник Коржар — новый памятник эпохи бронзы Центрального Казахстана // История и археология Семиречья. Алматы, 2019. Вып. 6. С. 50–73.
- Грязнов М.П.* Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // СА. 1952. № XVI. С. 129–162.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.* Культура древних скотоводов и металлургов Сарыарки (по материалам Северной Бетпак-Далы). Алма-Ата: Изд-во Ғылым, 1992. 247 с.
- Ковалевский С.А.* Погребально-поминальные памятники ирменской культуры на территории Кузнецкой котловины. Кемерово: Изд-во КРИПК и ПРО, 2006. 111 с.
- Коренько В.А.* О социологической интерпретации памятников бронзового века: (Погребения дандыбай-бегазинского типа) // СА. 1990. № 2. С. 28–40.
- Кукушкин И.А., Ломан В.Г.* Могильник Тасарал на озере Балхаш // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Алматы: Бегазы-Тасмола, 2013. С. 238–246.
- Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И.* Каражартас — новый новый социально-стратифицированный некрополь бегазы-дандыбаевской культуры: (Предварительные результаты исследований) // Археологические вести. СПб., 2018. Вып. 24. С. 102–109.

Кукушкин И.А.

Ломан В.Г. Каратугай — могильник финала эпохи бронзы // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2019а. № 2 (26). С. 131–152.

Ломан В.Г. Керамика саргаринско-алексеевского могильника Каратугай // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2019б. № 3 (27). С. 113–123.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1979. 360 с.

Ситников С.М. Культура саргаринско-алексеевского поселения лесостепного и степного Алтая. Барнаул: АлтГПУ, 2015. 254 с.

ИСТОЧНИКИ

Варфоломеев В.В. Сарыарка в конце бронзовой эпохи: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Алма-Ата, 1991. 21 с.

Кукушкин И.А. Отчет о научно-исследовательской работе «Исследование социально стратифицированных погребальных комплексов Сарыарки в эпоху бронзы (промежуточный)» // Архив САИ. Караганда, 2016. 207 с.

Кукушкин И.А. Отчет о научно-исследовательской работе «Исследование этнокультурных процессов на территории Сарыарки и сопредельных регионов в эпоху бронзы (заключительный)» // Архив САИ. Караганда, 2020. 138 с.

Kukushkin I.A.

Buketov Karaganda University, Universitetskaya st., 28, Karaganda, 100024, Republic of Kazakhstan

E-mail: sai@ksu.kz

Main characteristics of burial complexes of Central Kazakhstan in the Late Bronze Age

The main factual basis of the research comprised the materials of 25 necropoleis of the Late Bronze Age examined in the Karaganda and Ulytau regions of Central Kazakhstan. The total number of the investigated burials amounts to 167 individual structures. There were 190 burials recorded. Since the 2000s, nine cemeteries belonging to the Late Bronze Age have been investigated. There were 72 burial structures studied, including one of the eight largest mausoleums in the region — Karazhartas, excavated in 2016–2017. All known burial structures were divided into three groups: surface stone boxes, boxes imbedded in the bedrock, and ground graves, which, according to the characteristic above-ground structures, were divided into ten types of burial structures. It has been noted that for the first group of the burials, the most characteristic are quadrangular funeral structures erected using the masonry technique. The second group is dominated by quadrangular fences built from vertically set slabs, less often from stone laid on flat. The third group is clearly dominated by a ring-shaped layout in the form of the stones selected according to their dimensions, laid in a circle. The most numerous appeared to be the first group, for which the characteristic feature is the arrangement of the burial chambers in the form of stone boxes raised above the ground. The less representative was the second group with subsurface burials, including those that had a form of composite stone boxes. The third group comprised the burials in ground graves. It is assumed that in the first two groups, the westward orientation of the interred is predominant, with a certain role of the northeastern sector. The third group is characterised by the invariable orientation of the deceased in a southward direction with the sleeping position of the skeleton laid on the right side.

Keywords: Late Bronze Age, funerary architecture, typology, ceramics, inventory, mausoleum construction.

Funding. The work was carried out within the framework of the project of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan AR09260879 “Research of markers of the social ranking of the Bronze Age society of Saryarka according to the data of funeral rites”.

REFERENCES

Beisenov, A.Z., Loman, V.G., Kasenalin, A.E. (2013). New in the archeology of Saryarka: Dongal burials of the Kyzyl burial ground. In: *Begazy-dandybaevskaia kul'tura Stepnoi Evrazii*. Almaty: Begazy-Tasmola, 59–73. (Rus.).

Beisenov, A.Z., Varfolomeev, V.V., Kasenalin, A.E. (2014). *Monuments of the Begazy-Dandybay culture of Central Kazakhstan*. Almaty: Institut arkheologii imeni A.Kh. Margulana. (Rus.).

Gryaznov, M.P. (1952) Monuments of the Karasuk stage in Central Kazakhstan. *Sovetskaia arkheologiia*, (XVI), 129–162. (Rus.).

Kadyrbaev, M.K., Kurmankulov, Zh. (1992). *The culture of ancient pastoralists and metallurgists of Saryarka (based on materials from Northern Betpak-Dala)*. Alma-Ata: Gylm. (Rus.).

Kovalevsky, S.A. (2006). *Funeral and memorial sites of the Irmen culture on the territory of the Kuznetsk basin*. Kemerovo: KRIPK i PRO. (Rus.).

Koren'yako, V.A. (1990). On the sociological interpretation of Bronze Age sites (burials of the Dandybay-Begazy type). *Sovetskaia arkheologiia*, (2), 28–40. (Rus.).

Kukushkin, I.A., Loman, V.G. (2013). Tasaral burial ground on Lake Balkhash. *Begazy-dandybaevskaia kul'tura Stepnoi Evrazii*. Almaty: Begazy-Tasmola, 238–246. (Rus.).

Kukushkin, I.A., Dmitriev, E.A., Kukushkin, A.I. (2018). Karazhartas — a new socially stratified necropolis of the Begazy-Dandybay culture: (Preliminary results of research). *Arkheologicheskie vesti*, (24), 102–109. (Rus.).

Loman, V.G. (2019a). Karatugai — the burial ground of the Final Bronze Age. *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniï*, (2), 131–152. (Rus.).

Основные характеристики погребальных комплексов Центрального Казахстана...

Loman, V.G. (2019b). Ceramics of the Sargary-Alekseevka burial ground Karatugai. *Teoriia i praktika arkhеologicheskikh issledovaniï*, (3), 113–123. (Rus.).

Margulan, A.Kh. (1979). *Begazy-Dandybay culture of Central Kazakhstan*. Alma-Ata: «Nauka» KazSSR. (Rus.).

Sitnikov, S.M. (2015). *Culture of the Sargary-Alekseev population of the forest-steppe and steppe Altai*. Barnaul: AltGPU. (Rus.).

Varfolomeev, V.V. (2002). Late Bronze Age. Begazy-Dandybay culture (XIII–IX centuries BC). In: *Epokha bronzy Tsentral'nogo i Severnogo Kazakhstana: ucheb.posobie*. Karaganda: Izd-vo KarGU, 40–63. (Rus.).

Varfolomeev, V.V. (2003). Kent and its environs: (Some results of the paleoeconomic and sociocultural analysis of the sites of eastern Saryarka). In: *Stepnaia tsivilizatsiia Vostochnoi Evrazii. T. 1*. Astana: Kultegin, 88–108. (Rus.).

Varfolomeev, V.V. (2014). Settlements. Ceramics. In: *Pamiatniki begazy-dandybaevskoi kul'tury tsentral'nogo Kazakhstana*. Almaty: Institut arkheologii imeni A.Kh. Margulana, 181–165. (Rus.).

Varfolomeev, V.V., Dmitriev, E.A., Loman, V.G. (2019). Burial ground Korzhar — a new monument of the Bronze Age of Central Kazakhstan. *Istoriia i arkheologiiia Semirech'ia*, (6), 50–73. (Rus.).

Кукушкин И.А., <https://orcid.org/0000-0002-4798-8496>

Сведения об авторе: Кукушкин Игорь Алексеевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Карагандинский университет имени Е.А. Букетова, Караганда.

About the author: Kukushkin Igor A., Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Buketov Karaganda University, Karaganda.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 30.03.2023

Article is published: 15.12.2023